

АВТОБИОГРАФИЯ ЛУНАЧАРСКОГО

В ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

В ответ на Ваше письмо от 1/II (1926 г.) я, к сожалению, с опозданием отвечаю Вам на Ваше письмо от 19/X, хотя, мне помнится, что я уже делал это.

1. Из бывших редакторов и сотрудников «Пролетария» в составлении тактической платформы к объединительному съезду РСДРП, насколько я помню и знаю, принимал участие только Воровский.

Какие поправки были внесены в платформу, я не знаю.

Текст платформы был предложен Лениным.

Где происходило совещание, не помню.

2. У какого «просвещенного, чрезвычайно любезного кадета» выступал Ленин, совершенно не знаю.

3. Не знаю также о подробностях выступления Ленина в доме Паниной.

4. Не могу, к сожалению, быть Вам полезен и по вопросу о выступлении Ленина с докладами на объединительном съезде, т. к. по возвращении с объединительного съезда я остался в Финляндии. В подготовительной кампании к съезду я принимал участие вместе с Зиновьевым и Лениным. На 2—3 собраниях мы выступали вместе с ним, но в отчетной кампании я участия не принимал.

По пятому вопросу ничего не могу Вам сообщить. Думаю, что об этом должна быть самым тщательным образом осведомлена Надежда Константиновна.

При сем сообщаю краткую мою биографию.

Родился я в 1875 г., 24 ноября в гор. Полтаве. 3-летним ребенком я переехал оттуда в Нижний-Новгород, где жил и воспитывался под руководством моего родного отца (я ношу фамилию мужа моей матери) А. И. Антонова, управляющего контрольной палатой. Это был человек радикальных настроений, несмотря на крупный пост, который он занимал. От него я получил первый толчок к атеизму и революционно-демократическому воззрению на окружающее. А. И. Антонов умер, когда мне было около 9 лет, и после короткого пребывания в Москве, где последовала его смерть, семья моя переехала в Киев. Я поступил в Киевскую 1-ю гимназию. Формально учился в гимназии неважно, но очень много работал дома. В 15 лет был знаком не только с нелегальными брошюрами по марксизму, но протудировал первый том «Капитала». Лицами, познакомившими меня с марксизмом, были польские старшие товарищи по гимназии — И. Мошинский и А. Рабчевский. Под влиянием первых социал-демократических кружков в университете, приблизительно в то же время, то есть в 1890—91 гг., мы организовали большую революционную организацию (главным образом в целях самообразования), охватившую постепенно все средние учебные заведения, включая сюда и много женских гимназий. Вскоре я

сделался членом центральной группы этой организации. Под влиянием одного товарища по организации, Д. Неточаева, жившего на Соломенке, среди рабочих, я решил перейти к практической революционной деятельности и вошел в кружок, состоящий из рабочих Киевского железнодорожного депо и из ремесленников, где работал довольно долгое время в качестве агитатора и пропагандиста. Мои революционные воззрения были известны и гимназическому начальству, в результате чего в аттестате зрелости мне было поставлено 4 за поведение. Это лишило меня возможности поступить в университет, о чем я, однако, не горевал, так как уже решил ехать в заграничный университет.

В 1893 г. я выехал за границу, имея рекомендательное письмо к П. Б. Аксельроду. Я поселился в Цюрихе и поступил в Цюрихский университет, а также в цюрихскую студенческую социал-демократическую организацию. П. Б. Аксельрод отнесился ко мне по-отечески, и я чрезвычайно много обязан ему в деле правильного усвоения марксизма, который к тому времени был засорен у меня стремлением примирить марксизм с учением Спенсера. Но, в то же время, не менее сильное влияние, чем Аксельрод, оказывало на меня учение Авенариуса, казавшееся мне естественным гносеологическим дополнением к марксизму. К тому же времени относится мое знакомство с Плехановым. Под его влиянием я занялся изучением великих немецких идеалистов и Фейербаха, но, несмотря на его строгую критику, остался и учеником Авенариуса. Некоторая слабость его критики объяснялась тем, что сам он с философией Авенариуса был знаком весьма поверхностно. Мои университетские занятия и работы по марксизму под руководством Аксельрода были прерваны тяжелой болезнью моего брата Платона Васильевича, к которому я должен был выехать в Ниццу в начале 1895 г. Пребывание мое на юге Франции имело для меня значение благодаря знакомству с М. М. Ковалевским. Пользуясь его указаниями и библиотекой, я сильно расширил мой кругозор. Этому способствовали постоянные споры, которые я вел с ним и с другим известным цивилистом профес. Гамбаровым. Почти год заняла борьба за жизнь моего брата в Ницце и Реймсе. Когда он оправился от тяжелой болезни, мы переехали в Париж (в 1896 г.). За время болезни брата я окончательно привил марксистский образ мысли ему и его жене С. Н. Луначарской, ныне Смидович, и мы решили по возвращении в Россию начать практическую работу совместно.

В Париже я получил официальное письмо от Аксельрода, уполномочивающее меня быть представителем заграничной организации русских социал-демократов в Париже. Я возвращался ненадолго в Россию в конце 1896 г. для призыва и был освобожден по близорукости от военной службы. После этого вернулся опять в Париж и только в конце 1897 г. приехал в Москву. Я имел рекомендательные письма от Аксельрода и Плеханова к А. И. Елизаровой и к т. Владимирскому, оставшимся после недавнего разгрома Московской организации и пытавшимся создать новый комитет. Нам вскоре удалось это сделать. В комитете участвовали я, мой брат и его жена Софья Николаевна, А. И. Елизарова, Владимирский и Гусев (которого я недавно встретил живым и здоровым) и несколько рабочих с фабрик Бромлея и Листа, фамилии и псевдонимы которых я не помню. Оказывала нам услуги по части конспиративной квартиры и т. д. А. Серебрякова, потом оказавшаяся провокаторшей. Она и провалила напу работу. Лично я вел работу в разных кружках рабочих, в разных местах Москвы, а также составлял прокламации для организации забастовки на заводе Листа, составлял прокламации и в других случаях. Перед самым разгромом нашей организации нам удалось завести небольшую типографию. В это же время в организации нашей стала работать О. Г. Смидович, занимавшаяся размножением наших прокламаций. Я был арестован зимой 1899 г., но

вскоре за отсутствием прямых улик выпущен с высылкой к отцу, т. е. к В. Луначарскому, в деревню Супруновку Полтавской губ., где он жил. Затем мне было разрешено переехать в Киев, к моей матери. В Киеве я немедленно вступил в сношения с местной организацией через тт. Путянского, Вокара, Дрелинга и других.

В то же время я стал работать в легальной, но в значительной степени марксистской газете «Киевские отклики», душой которой был В. В. Водозов. В то же время я поместил первые мои очерки, означенные инициалами, в «Русской мысли». На реферате, который я читал с благотворительной целью на частной квартире, кажется, у Кульженко, где собралось очень много левых элементов из киевской интеллигенции, я был схвачен жандармами и вместе со всеми присутствующими препровожден в тюрьму. После 2-месячного пребывания там я был отпущен, но через 2 недели вновь арестован по приказу из Москвы, по делу о Московском комитете. Очевидно, Серебрякова дала более точные обо мне показания, и на этот раз мне пришлось просидеть около 8 месяцев. Убедившись в том, что на основании показаний других лиц все дело для жандармов совершенно выяснено, я и сам дал показания, направленные, однако, к тому, чтобы снять по возможности вину или подозрение с других, замешанных в процессе лиц, подтверждая лишь то, что отрицать было невозможно за полной выясненностью. В ожидании приговора я был послан в гор. Калугу. Здесь я вел сначала замкнутую работу по расширению нашего собственного кругозора в кружке, состоявшем из Богданова, Базарова, Скворцова, Б. Авилова. Вместе с тем, привлекая в наши кружки радикально настроенного фабриканта Д. Д. Гончарова, мы пытались издавать некоторые важные для развития социал-демократии книги.

После ссылки Авилова и Богданова мы со Скворцовым начали неорганизованную революционную работу. Она велась среди железнодорожных рабочих калужских мастерских, среди низовой интеллигенции, особенно среди учительства городских и ремесленных школ. Я лично, кроме того, вел довольно интенсивную пропагандистскую работу среди рабочих фабрики Гончарова «Полотняный Завод», ныне носящей даже мое имя. Меня несколько раз вызывали к губернатору, который указывал мне на предосудительность моего политического поведения, да еще в состоянии ссыльного. Наконец, я получил приговор, сравнительно мягкий, ссылавший меня на 2 года в Вологодскую губернию. Сначала я поселился в гор. Вологде. Колония ссыльных была в то время чрезвычайно блестяща и включала в себя ряд крупных людей. Там были Богданов, Шен, Жданов, Савинков, Ремизов, Щеголев, Крыжановский, Тучапский, Бердяев, Суворов и др. Вологда жила очень интересной жизнью, причем сильное влияние приобрел Бердяев, тогда уже быстро склонявшийся от марксизма к идеализму. Я выступал в качестве главного застрельщика борьбы против идеализма. К тому же времени относятся мои первые статьи в журналах «Вестник философии и психологии», «Образование» и т. д. Вскоре началось и мое сотрудничество в социал-демократическом журнале В. Кожевникова «Правда».

Вследствие столкновений с губернатором Лодыженским я был послан в Тотьму, где первое время также пытался организовать по крайней мере для теоретической революционной работы (для революционного самообразования) преподавателей и учеников тамошней учительской семинарии и некоторые наиболее передовые элементы городка. В результате было официально запрещено всякое знакомство со мною как учителям и учащимся, так и чиновникам. В 1901 г. я вернулся из ссылки в Киев, но пробыл там очень недолго. За это время, однако, ко мне обратились тт. Крыжановский и Карпов с просьбой поддержать линию примиренцев тогдашнего, вышедшего из 2-го съезда ЦК. Для совещания с этим ЦК я ездил

в Смоленск. Там я встретил Постолюковского, Носкова, Карпова и т. Иннокентия, с которыми вместе составил большую прокламацию по поводу убийства Плеве и заключил союз для дальнейшей работы. Там же я слышал, что главой объединительной тенденции почитается т. Красин, тогда под псевдонимом Винтер. Едва вернувшись из Смоленска, я застал у себя конспиративное письмо Богданова, извещавшего меня довольно подробно о положении вещей и, от своего и Ленина имени, настаивавшего на моем немедленном отъезде за границу для участия в центральном органе большевиков. Хотя я еще не был уверен в правильности линии большевиков и считал себя примиренцем, тем не менее за границу я выехал и даже примкнул в Париже к очень немногочисленной там группе большевиков. Я принялся интенсивно читать литературу вокруг раскола.

В Париже я окончательно определился как сторонник непримиримых большевиков. Для моих публичных выступлений и нелегальной литературной работы я там же изобрел себе псевдоним Воинов. Если не ошибаюсь, в мае 1904 г. в Париж приехал Владимир Ильич *, там мы с ним и познакомились. У нас было несколько общих выступлений, согласованность оказалась полная, и Владимир Ильич предложил мне как можно скорее перебраться в Женеву, чтобы принять участие в редакции журнала «Вперед». Редакция должна была состоять из пяти человек: Владимир Ильич как главный редактор, т. Воровский, Ольминский и я как соредакторы, и В. Д. Бонч-Бруевич как администратор. Летом 1904 г. я приехал в Женеву и начал сотрудничать во «Вперед», начались также в большой мере мои устные выступления, что Владимир Ильич считал особенно важным именно для меня, в котором он ценил неплохого оратора. Выступал я со всякого рода докладами и диспутами, чтобы отвоевать как можно большее количество среди эмигрантов и студентов на нашу сторону. С этой целью я объезжал не только Швейцарию, но и все эмигрантские и студенческие колонии в Европе, т. е. бывал во Франции, Бельгии, Германии, Италии и читал там доклады; первые годы, доклады исключительно политического большевистского характера. Конец 1904 г. проходил оживленно. Во-первых, велась борьба за партийный съезд. Разногласия с меньшевиками стали приобретать острый политический характер в связи с общим оживлением в России. 1905 год принес с собою гигантские события января. Программа большевиков и меньшевиков определилась до крайней остроты. По поводу 9 января я выступал вместе с Владимиром Ильичем на большом собрании в Женеве, где мне как никогда стало ясно, что меньшевики являются нашими прямыми политическими врагами, поскольку они никак не могут взять в толк ни характера грядущей революции, ни активной роли в ней революционной партии. Весной 1905 г. я поехал в Лондон на 3-й партийный съезд. На этом съезде примиренцы, представленные Красиным, пошли на полное соглашение с ленинцами. Большевики достигли безусловного единства. Мне поручен был один из основных докладов — доклад о вооруженном восстании. Владимир Ильич просил меня изложить его письменно и дать ему на просмотр. Это было мною сделано.

Вскоре после съезда я заболел. Действительно все это время за границей мне приходилось работать необычайно усиленно, тем более что я продолжал и мою легальную журнальную работу. Я уехал в Италию, во Флоренцию, и прожил там до октября, все время поддерживая, однако, деятельную переписку и посылая отдельные статьи в газету «Пролетарий». Тотчас же после октябрьской конституции я получил телеграмму от ЦК во что бы то ни стало и немедленно выехать в Петербург. Это было мною

* Луначарский ошибся: Ленин приехал в Париж в начале декабря 1904 г.

В этой автобиографии Луначарского имеются некоторые другие неточности, которые отмечены в примечании на стр. 743.

сделано буквально на следующий день после получения телеграммы. В Петербурге я вступил тотчас же в редакцию «Новой жизни». В то время в этой редакции еще играли довольно большую роль наши неожиданные пспутчики — Минский и компания. Я принял довольно активное участие в том, чтобы высадить их из «Новой жизни», что мы благополучно и сделали. Кроме работы в «Новой жизни», я, конечно, много выступал на постепенно становившихся все более полулегальными рабочих собраниях, а также с огромным количеством лекций перед студенчеством и другой публикой, лекций платных, сбор с которых поступал в кассу партии. Я принимал участие в редакции всех газет, сменявших одна после другой редакции «Новой жизни». Перед Новым годом в 1906 г. я был арестован на рабочем собрании. В сущности говоря, можно было бы привести против меня очень много обвинений, но я отделался дешево. Просидев приблизительно 2¹/₂ месяца, я был выпущен, и мне не было даже предьявлено сначала никакого обвинительного акта. Выйдя из тюрьмы, если не ошибаюсь, в половине марта, я сейчас же был вовлечен Лениным в кампанию по выборам на Стокгольмский съезд. Уже и раньше мне приходилось принимать участие, большей частью даже в качестве представителя, в переговорах, которые велись большевиками и меньшевиками о формах соглашения. Главную роль в этих переговорах играли Ленин и Мартов, но место переговоров о соглашении, несмотря на то, что съезд должен был быть объединительным, заняли весьма жгучие споры. На объединительном съезде в Стокгольме я принимал участие во всех, как наших фракционных, так и общих заседаниях. По поручению Ленина, я принял участие в дискуссии, выступив с речью против основной политической задачи Плеханова, а затем, по поручению большевиков вообще, вместе с Таратутой был назначен в комиссию по окончательному соглашению с меньшевиками относительно грядущего объединения ЦК партии.

По возвращении из Стокгольма я задержался в Финляндии, в Териоках. Революция шла на убыль. Некоторые большие политические митинги, связанные с работой Думы, происходили тогда в Териоках, и мне пришлось там неоднократно выступать. В результате мне было предьявлено тяжелое политическое обвинение финляндскими властями, грозившее длительной тюрьмой. К счастью, финляндский суд оправдал нас. Меня и других двух-трех агитаторов русских, обвинявшихся вместе со мною, защищали адвокаты Зеллингер и Маргулис. Едва вернувшись в Петербург, я оказался под новым ударом. Распространились слухи, будто партия хочет выставить меня кандидатом¹. Позднее на эту самую кандидатуру выдвинут был Алексинский. Полиции захотелось отшибить от меня эту возможность, и мне был прислан грозный обвинительный акт без ареста, однако присяжный поверенный Чекерулькуш объявил мне и сделал соответствующий доклад в партийной организации (вероятно, П.К.), что он видит в этом факте как бы прямое указание царского правительства, чтобы я, пока есть возможность, уезжал из России. «Если вы не эмигрируете, — сказал он мне, — то вы, несомненно, попадете в тюрьму на 5—6 лет». Партия постановила, чтобы я уехал, и дала мне необходимые для этого возможности. Я поехал через Финляндию и Копенгаген в Германию, где оставался некоторое время и выступал с докладами, а затем — в Италию. Одновременно развивалась и моя литературная деятельность. Вышла моя первая драма «Королевский брадобрей», много мелких статей, большой памфлет «Три кадета», одобренный между прочим Владимиром Ильичем. Задумана была и затем постепенно выполнена моя большая книга «Религия и социализм». Из Италии я вскоре был вызван партией для участия на Штутгартском съезде. Там мне было поручено представлять нашу партию в комиссии по

¹ На выборах в Государственную думу. — *Ред.*

профсоюзам, где мне пришлось вести непосредственную борьбу против Плеханова, стоящего на точке зрения безусловного отделения профессионального движения от партийного. Ленин поручил мне тогда изложить всю эту дискуссию в особой брошюре, что было мною сделано. Хотя я получил затем от Ленина записку (сейчас мною утерянную) с одобрением этой брошюры, тем не менее, она так и не была издана, вероятно, затерявшись в ходе дальнейших событий.

Дискуссия, оторвавшая от главного партийного руслу отзовистов, ультиматистов и т. д., прошла без моего участия, так как я в то время был уже за границей. Но вскоре приехал Богданов и действительно занялся пропагандированием моим и Горького, с которым я в то время сдружился, вследствие чего переселился даже на Капри <...>

Само собою разумеется, что рядом с этой политической работой, выражавшейся также в издании наших собственных листов и отдельных номеров нашего журнала, шла и моя общая литературная работа в легальных органах, наиболее близких к нам и дороживших участием революционеров <...>

В 1909 г. я поехал на Копенгагенский съезд с мандатом, теперь уже от впередовской группы. На этот съезд я был допущен лишь с совещательным голосом, но практически оказалось, что я по всем вопросам съезда полностью сошелся с ленинцами, вследствие чего Лениным и его делегацией мне было поручено представлять их по вопросам кооперации, где мне вновь пришлось оказаться на разных позициях с Плехановым. По постановлению группы «Вперед» я переехал, если не ошибаюсь, в начале 1910 г. в Париж. Начался постепенный разлад в рядах впередовцев, ушли Менжинский, Покровский, Богданов. Переменилось и общее направление <...>, партия связалась с довольно сильной петербургской группой межрайонцев. (Эта группа определилась, насколько я помню, несколько позднее.) В Париже мне пришлось вести очень большую работу, куда входила легальная и нелегальная журнальная деятельность, многочисленные разъезды с платными рефератами, так как группа «Вперед» на добрых 50% жила за счет моего, так сказать, ораторского заработка. Вместе с тем вокруг меня собиралось огромное количество всяких кружков, курсов и т. д., занимавшихся главным образом вопросами пролетарской культуры. Отношение к большевикам ленинского толка у нас было довольно враждебное. Существенных изменений этого положения вплоть до объявления войны не происходило.

Объявление войны сразу поставило меня на интернациональную точку зрения. (Хотя, не скрою, первое время симпатии мои были все-таки скорее на стороне «союзников».) Но после возвращения моего с берега моря в Париж, что произошло в середине сентября, я отбросил даже эти мимолетные черты пристрастия и сразу же выступил на большом митинге, собранном Черновым, как самый яростный интернационалист. Т. Мануильский и Антонов-Овсеенко, один быв. впередовец, упедший, однако, от нас к ленинцам, другой — быв. меньшевик, разошедшийся с Мартовым ради более энергичного интернационализма, пригласили меня в газету «Наше слово» <...> В начале 1915 г. в Париже сделалось душно. Если бы я не уехал оттуда, то, вероятно, был бы выслан <...> Мне хотелось обозреть войну из нейтральной страны, и я уехал в Швейцарию. Группа «Вперед» перенесла свой центр в Женеву. Мы заняли интернациональную, очень близкую к ленинцам позицию, хотя пытались в каких-то мелочах и деталях отмежеваться от левого Циммервальда, т. е. Ленина и Зиновьева. На основе всех моих наблюдений, я ждал скорого взрыва революции. Я был уверен, что революция поставит передо мною вопрос о широкой работе в области культуры и просвещения, и поэтому стал деятельно заниматься вопросами педагогики, школьного строительства, да и вообще просве-

щенскими вопросами в самом широком смысле этого слова. Революция 17-го года застала меня в этом состоянии. Немедленно же после первых известий о ней я поехал в Цюрих. Не помню, по каким причинам мне не удалось повидаться с Лениным, и я вступил в переговоры с Зиновьевым, заявив ему, что я отбрасываю все остатки разногласий, полностью примыкаю к ленинской части нашей партии и отдаю себя в ее распоряжение. Раздоры по поводу поездки в Россию через Германию заняли тогда чрезвычайно видное место. Здесь я выступал совершенно единым фронтом с Лениным и Зиновьевым. Я поехал через Германию вторым поездом, т. к. не успел собраться ко времени отъезда первого поезда, повезшего Ленина. Немедленно по приезде в Петербург я вступил в самую горячую революционную работу. Никогда, ни до, ни после, не приходилось мне жить такой кипучей жизнью. Откуда только брались силы!(<...>) Помимо моей работы агитатора и журналиста, я был выбран в первую послереволюционную Городскую думу и по поручению партии был лидером нашей фракции. В то время мне приходилось непосредственно сталкиваться с Милюковым, Набоковым и Шингаревым, также гласными Думы, весьма усердно ее посещавшими.

Наступили июльские дни. В начале этой демонстрации я был вызван в дом Кшесинской и, таким образом, принимал участие в этом деле, так сказать, неразлучно находясь с Лениным и Свердловым. Свердлов и я приветствовали с балкона попеременно всю происходившую демонстрацию. После разгрома демонстрации я некоторое время не ночевал дома, но тем не менее открыто выступал и в цирке «Модерн», и на заседаниях Совета, стараясь по возможности прикрыть наш тыл. Однако в конце июля, когда я опять стал ночевать дома, меня арестовали. В тюрьме положение было довольно скверное. Нам передавали слухи, будто уголовники хотят нас перебить. Но в то время началась уже наступательная волна рабочего движения, которая и вырвала нас из тюрьмы. Я был вновь выбран в Думу, и на этот раз мы оказались второй по численности партией. Эсерам пришлось поделиться с нами местами в Управе, и я оказался товарищем городского головы, который должен был сосредоточить в своих руках все культурные функции Управы. Во время корниловского похода мною, по поручению Думы, написаны были те листки, которые в огромном количестве разбрасывались над корниловской армией с аэропланов. После падения корниловского движения главной политической работой моей стало разоблачение заговора правительства Керенского о передаче Петербурга немецким войскам и более усиленная, чем когда-нибудь, моя агитация за свержение Временного правительства. Действовал я совершенно открыто и до сих пор не понимаю, почему я не был арестован второй раз.

Во время самого переворота я был все время в распоряжении Военно-революционного комитета и тотчас же после переворота был призван партией на занимаемый мною и ныне пост народного комиссара по просвещению.

Я думаю, что рассказывать о дальнейших событиях не стоит, могу сказать только, что при перенесении правительства в Москву я ходатайствовал об оставлении меня в Ленинграде, где я оставался еще более года (<...>) и лишь в начале 1919 г. я выбрался окончательно в Москву. Первые годы моей деятельности были отданы на меньшую половину народному просвещению, так как в качестве уполномоченного Реввоенсовета я объезжал беспрестанно различные фронты. В дальнейшем рядом с моей работой по революции и во вверенном мне комиссариате я продолжал широко заниматься научной и журнальной работой, а также написал несколько драм.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Луначарскому не однажды на протяжении его жизни приходилось писать автобиографические заметки, заполнять различные анкеты. При этом он, как правило, не переписывал автоматически старую автобиографию, хронологически продолжая ее, а писал или диктовал стенографистке каждый раз заново, полагаясь только на свою память.

Это привело к тому, что в выявленных в настоящее время семи его автобиографиях (две из них еще не опубликованы) есть существенные различия; особенно это касается датировок.

Создание научной биографии Луначарского, летописи его жизни и деятельности, основанной на изучении сохранившихся в архивах и современной прессе документов и свидетельств, — дело ближайшего будущего. Пока же мы имеем возможность внести несколько фактических поправок в даты публикуемого здесь наиболее пространныго и содержательного варианта его автобиографии. Делаем это в порядке хронологического изложения событий жизни Луначарского.

За границу Луначарский впервые выехал не в 1893 г., а летом 1895 г., после окончания Киевской гимназии.

В Ниццу к больному брату Платону Васильевичу он приехал не в начале 1895 г., а в начале 1896 г.

В Москву из-за границы он вернулся не в конце 1897 г., а в августе или сентябре 1898 г.

Арест членов Московской организации РСДРП произошел не «зимой 1899 г.», а в апреле 1899 г. Вообще в изложении событий 1899—1905 гг. память подводила Луначарского не только в датах, но и в изложении последовательности событий (см.: Н. А. Трифонов и И. Ф. Шостаков. Луначарский и «московское дело» 1899 г. и И. П. Кохно. Вологодская ссылка Луначарского («Лит. наследство», т. 82. А. В. Луначарский. Незданные материалы. М., 1970, стр. 587—620).

Из вологодской ссылки Луначарский вернулся в Киев не в 1901 г., а в июне 1904 г. В Женеву он переехал не летом 1904 г., а в конце декабря того же года, после встречи с Лениным.

Международный социалистический конгресс в Копенгагене работал не в 1909 г., а в августе — сентябре 1910 г.

В Париж Луначарский переехал из Италии не в начале 1910 г., а в 1911 г.